

ЧАСТНАЯ
ЖИЗНЬ10
СТР.

Ростислав Янович Плятт - из тех людей, которые, уходя от нас, оставляют в нашей душе огромную пустоту. И ее уже не заполнит никто. Ибо Плятт невосполним.

ЕГО ВРАГОМ БЫЛА НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ...

Удивительно: в детстве он собирался быть вовсе не артистом, а... фельетонистом. Может быть потому, что рос «литературным мальчиком», читая запоем все подряд. Да и в школе на уроках русского языка блистал сочинениями, слыл постоянным автором школьных рукописных журналов, куда и поставлял фельетоны собственного изготовления.

Впрочем, если начинать издавать, то 30 ноября 1908 года в Ростове-на-Дону родился вовсе не Ростислав Янович Плятт, а Ростислав Иванович Плят, сын обрусевшего поляка Ивана Плята и хохлушки из Полтавы Зинаиды Закаменной. Так что мы нашего любимого артиста всю жизнь величали как бы по псевдониму.

Ну и обучался он в Медведниковской гимназии, где помимо журналов и стенгазет была такая прекрасная сцена, что выступать на ней приезжали даже артисты знаменитого Художественного театра. Так что вполне естественно, что создался здесь и драмкружок. Вот именно в его стенах 15-летний Плятт сыграл первую в своей жизни роль... 70-летнего генерала. Впрочем, он тогда еще не знал, что это называется «характерный артист».

Когда семья переехала в Москву, юноша, естественно, выбрал для поступления студию МХАТа. Тут надо сказать, что к тому времени Ростислав уже прямо-таки по-актерски научился лаять, как собака. Вот по какой творческой причине на вступительных экзаменах исполнил он рассказ Чехова «Разговор человека с собакой». Там было много «собачьего текста», что позволяло экзаменуемому надеяться на бешеный успех. Увы, перевоплощение в собаку не произвело должного впечатления на вступительную комиссию. В результате Плятт оказался студентом студии Завадского. За что мы с тех пор и должны благодарить и свою зрительскую, и его актерскую судьбу.

Вы никогда не задумывались вот над чем: что такое обаяние? Умение ли быть симпатичным, способность к обольщению? А может быть, особая способность упаковывать свои неважные качества в набор улыбок и предупредительностей? У Плятта обаяние было качеством. Качеством всех его качеств. Его ум был обаятелен, его уважение к собеседнику было обаятельным, он был обаятельным партнером и на репетициях, и в спектаклях. Видимо, в основе всего этого - доброта. Глядя на Плятта, я еще больше

пасовал перед термином «отрицательное обаяние». Ну еще как-то можно представить «красоту уродства» или «высоту низости». Но «отрицательное обаяние»?!

Было у него и еще одно качество, которое, как мне кажется, завершало облик Плятта. Не подумайте, что я умаляю остальные достоинства Ростислава Яновича, но «фирменной» его чертой была деликатность - деликатность ума, манер, души. Иной раз под деликатность маскируется равнодушие. Плятт при внешней сдержанности был пылким в чувствах человеком. И деликатность его была не ради того, чтобы уберечь себя в прохладном тенечке бытия, а в том, чтобы помочь человеку, не смутив его назойливым размахом шумных благодеяний.

Вы знаете, я шел к нему всегда как на любовное свидание. Я предвкушал! И каждое общение с ним было бесценно уютно мудрости. Понимаете, он не нагнетал на тебя свои знания, а как бы приглашал в них. Он был не из тех, кто начинает с фразы: «Вы, наверное, не знаете...» Он просто делился с тобой и удивлялся вместе с тобой. А знал он очень много.

Конечно, Плятт в светских обстоятельствах и Плятт в доверительном разговоре - это далеко не одно и то же. Ростислав Янович был разносторонне развитый человек, широко образованный. А еще он был воспитанный человек и потому не превращал свою эрудицию в обузу для окружающих. Оттого я и дорожил общением с ним с глазу на глаз. Вообще-то он предпочитал слушать и умел слушать. Но и тот, кто общался с Ростиславом Яновичем, тоже предпочитал слушать.

Нет, он не был простодушным человеком. Но когда речь шла о действительно крупной личности, в нем возникало именно простодушное восхищение. Им овладевало изумление. Какое-то задумчивое, негромкое изумление.

Помню, целый вечер рассказывал он мне об Иосифе Ильиче Юзовском. Это был замечательный театральный критик и умнейший человек. Запомнил я такую фразу: «Юзовскому до всего было дело, было бы талантливо!» Но это в не меньшей степени относилось к самому Плятту. Конечно, я встречал актеров, которые хвалят других актеров. Редко, но встречал. Но Плятт был просто-таки коллегонером успехов коллег.

А к себе, к своим успехам относился довольно спокойно и весьма самокритично.

Редко можно встретить среди артистов такого неприхотливого лично к себе человека, каким был Плятт. И столь предупредительного к людям. Кому-то помочь - это было его естественное состояние. И до чего же тихо он это делал. Артисты бывают склонны к экзальтации. А Ростислав Янович даже гневился как-то деликатно. Помню, он рассердился на одно влиятельное лицо, позволившее себе не-

не так, как на самом деле. К Плятту это не относилось. Как-то у него спросили: «От какой роли вы получили наибольшее удовольствие?» Ростислав Янович поморщился от «картонности» вопроса, но тут же расхохотался: «Конечно же, от роли самого себя!» Плятт - был лучшей его ролью, и исполнил он ее безукоризненно. И, пожалуй, именно ей он обязан успехом в других ролях.

Помните пастора в «Семнадцати мгновениях весны»? Когда впервые я смотрел этот фильм, со мной произошло

тергов во время спектакля даже не заметил, какая с ним приключилась беда. Да он и вообще в жизни не досаждал даже близким ни своими бедами, ни своими переживаниями. Нет, он не был скрытным. Просто существовала в его характере деликатность по отношению к другим. В какой-то превосходной степени. Очень точно сказал о Плятте Евгений Александрович Евстигнеев: «Я всегда считал, что хороший актер должен быть хорошим человеком».

А еще он был честен - перед зрителем и перед собой. Никогда не забуду самую «суровую» его фразу: «Растет чувство ответственности за содеянное». Ах, как много было вложено в это слово - «содеянное»!

Что касается его личной жизни...

Он был из тех людей, о которых распространяются легенды, а не сплетни. Для сплетен он поводов не давал. Да и в его личную жизнь мало кто был допущен. Его безукоризненная деликатность воспитывала в людях деликатность ответную.

О степени его одиночества я догадался только после одного мимолетного разговора. Как-то захожу к нему вечером. Он бродит по квартире в каком-то огромном, затрапезном халате, в разношенных шлепанцах, больная нога обмотана махровым полотенцем.

Видимо, я ничего не успел поделывать с выражением моего лица. Ростислав Янович обнял меня, потом опустился на стул и долго молчал. Затем вздохнул: «Извините меня, мой дорогой. В этом году я потерял трех самых дорогих мне людей - Завадского, Марецкую и жену. Для одного человека, согласитесь, это многовато...»

Сейчас пишу эти строки и словно вижу огромную, сникшую на стуле фигуру Плятта.

Потом прошло время, еще время... И вдруг раздался телефонный звонок: «Должен сообщить вам некоторую новость - я женился».

Господи, сколько же было в этой интонации! И чуть насмешливая улыбка в свой адрес, и совершенно насмешливая улыбка в мой адрес (я от неожиданности чуть со стула не упал), и нескрываемое чувство радости.

У Ростислава Яновича был замечательный друг, и Плятт женился на женщине, которая была женой этого друга. Он женился на умной, очаровательной, красивой Людмиле Семеновне. Ему было за семьдесят. Ей... Да разве у женщин, в которых влюбляются, есть возраст?

Мне казалось, что Ростислав Янович как-то успокоился, как-то поудобнее, поуютнее определился в жизни. Я бы даже сказал, «остепенился», то есть стал пореже подшучивать над другими и весьма основательно увлекся собственным счастьем. Счастливые, они ведь эгоисты, им до нас и дела нет. Им достаточно, что мы им завидуем.

Да только счастье это длилось не так уж долго. А впрочем, кто знает, что такое «долго»... В урочный для его жизни час Ростислава Яновича не стало.

А недавно вышла его книга «Без эпилога». Это очень интересная книга, очень хорошая книга. Но я стараюсь редко брать ее в руки. Все-таки, видимо, мало еще прошло времени, чтобы утешить боль утраты. Я помню и горю...

Эдуард ГРАФОВ

справедливость. Последовала какая-то наивная, но точная реакция на это: «Как он может так жить!» Это не было риторикой. Плятт действительно не понимал, как можно так жить...

Несправедливость, пожалуй, была наибольшим его врагом. А ласка, сдобренная иронией, - отточное, старинное оружие - главным помощником против зла. Не потому ли он был неприменным участником «капустников» или телепередач, посвященных его коллегам? Мало кто умел так сказать доброе слово человеку, мало кто умел так обличить это слово в добрый юмор... не без сентиментальности. Только Плятту на его сентиментальность даже и намекать было ни в коем случае нельзя. Он был абсолютно уверен, что являл собою сугубо ироничного человека. А сам всю жизнь мечтал сыграть Дон-Кихота.

Есть такая присказка: в действительности все происходит

нечто удивительное. Я совершенно не воспринимал этого человека как персонаж, как некоего пастора. Передо мной был Ростислав Янович в смертельной опасности, в жертвенности ради близких. Пожалуй, никогда больше искусство не рождало во мне такого личного, буквального ужаса. Я словно пережил гибель самого Плятта. Актер предложил всего себя. Я - тоже. Произошло наше совпадение.

Вспоминается еще одна история, характерная для него. Это случилось во время спектакля «Дальше - тишина». Ростислав Янович потом жаловался: «Черт меня понес куда-то в темноту кулис». Где он немедленно повредил себе руку. Но ничего никому не сказал и доиграл спектакль. Только после его окончания обратился к врачу. Оказалось: перелом. Три недели ходил в гипсе.

Представляете, никто из ак-